

Глава 18. Меч — не повод для разлуки

По ночам Чжуан Шаогун оставался в средней каюте вместе с Уди — они вели долгие беседы обо всём на свете. Днём же он проводил время в кормовой части: отложив книгу, молодой господин заворожённо наблюдал за тем, как Умин упражняется в боевых искусствах. В эти минуты он невольно предавался раздумьям: если Умина на самом деле зовут Цзян Сяофэн, то почему он упорно именуется Умином?

Эта загадка казалась неразрешимой, сколько бы Шаогун ни ломал над ней голову.

Когда Умин заканчивал тренировку, Чжуан Шаогун принимался расспрашивать его об акупунктурных точках, чтобы помочь старому лодочнику унять боли от ревматизма. В некоторых местах он всё ещё путался, не решаясь точно определить точку. Тогда Умин брал чистую кисть из волчьей шерсти и через одежду, дюйм за дюймом, терпеливо указывал и очерчивал нужные зоны.

Уди, завидев это, не желал оставаться в стороне. Пылая ревностным желанием услужить, он, не считаясь с волей своего молодого господина, то и дело бесцеремонно утаскивал того прочь.

С тех пор как они покинули дом, дни текли удивительно мирно. Чжуан Шаогуну хотелось, чтобы этот водный путь никогда не кончался, но время летело быстрее, чем их лодка по волнам.

Вскоре они прибыли в Цзиньлин.

Судно вошло в город через Ворота Шуйси. По одну сторону тянулись ряды плакучих ив, по другую — белёные стены домов; пестрота цветов отражалась в зыбкой глади воды. Обитель императоров встретила их во всём своём величии.

Едва сойдя на берег, Чжуан Шаогун поднял голову и увидел знаменитую Башню Суньчу, известную также как трактир «Тайбай». Ли Бай когда-то воспел это место: «Утром в Цзиньлине вино покупал, песни звенели в Башне Суньчу».

Эта башня была тринадцатой из сорока восьми достопримечательностей Цзиньлина, а также одним из сорока восьми оборонительных рубежей, которые обустроил здесь Союз Неба и Земли.

Уди принял вид радушного хозяина:

— Молодой господин, не обманывайтесь этой идиллией и яркими красками. После начала комендантского часа здесь и шагу не ступишь. Помнится, кто-то однажды попытался прорваться ночью ради встречи с главой союза Е, так едва жизни не лишился.

— В чужой монастырь со своим уставом не ходят, — отозвался Чжуан Шаогун. — Раз комендантский час, значит, будем сидеть дома.

Он хлопотал вокруг Умина, совершенно забыв о собственных вещах. Обернувшись, он поспешно освободил руку, чтобы поддержать спутника.

Умин, вопреки обыкновению, сообразовался принять помощь. Опершись на руку Чжуана, он степенно сошёл с лодки. Вообще-то, с его легкостью движений он мог бы пересечь реку по одной тростинке, даже не замочив подошв. Однако, будучи по натуре ленивым, он всегда считал, что лучше стоять, чем идти, и лучше сидеть, чем стоять. А потому, предложи ему Шаогун хоть на спине его нести, Умин вряд ли стал бы отказываться.

Чжуан Шаогун смотрел на него с нежностью. Умин выглядел столь хрупким, словно одежда была ему не по размеру. «Если бы Цзян Сяофэн был девушкой из знатной семьи, не владеющей боевыми искусствами, — подумал Шаогун, — я мог бы заботиться о ней всю жизнь, и это не считалось бы сыновней непочтительностью».

Но Умин, казалось, ничего не замечал. Он заложил руки за спину и отвернулся, разглядывая шумную суету столичного рынка. Шаогун вздохнул: «Нет, он не просто не замечает — если бы ему было всё равно, он бы не стал отворачиваться».

Погрузившись в эти бесплодные мечтания, Шаогун брёл следом, пока едва не врезался лбом в раскидистую иву. Умин стоял справа, Уди — слева, и оба равнодушно наблюдали, как их господин едва не расшиб себе голову, даже не подумав поддержать его.

«Ну как?» — мысленно передал Умин.

Уди покосился на трактир неподалёку и так же, беззвучно, ответил: «Это глава Е. А тот изящный юноша рядом с ним — его дочь».

В Башне Суньчу пригожий молодой господин, облокотившись на перила, хохотал до упаду.

Рядом с ним стоял мужчина средних лет:

— Уймись, веди себя приличнее.

— Ха-ха! Ой, папа, ну я же не виноват! — Юноша говорил с отчетливым столичным выговором. Он игриво потерял мужчину за рукав, не стесняясь проявлять чувства на людях. — Посмотри на него! Одет прилично, видать, из богатой семьи, а навьючил на себя столько тюков, что ивы перед носом не разглядел! А слуги-то, слуги — стоят и смотрят! Ой, не могу, папа, ну скажи, разве не смешно?

Мужчина, которого юноша так бесцеремонно тряс за руку, посмотрел на третьего человека в комнате:

— Позор на мою голову. Четвёртый глава Сяо, не обращайтесь внимания.

Сяо Цзиньни, седовласый, но дышащий здоровьем старик — тот самый лодочник, что переправлял их группу, — лишь усмехнулся:

— Полноте, девчушка всё такая же милая.

— Вот видишь? Дядя Сяо говорит, что я милая! — Юноша тут же подскочил к лодочнику, хвастаясь перед отцом.

Старик притворно нахмурился:

— Ах ты, проказница! В прошлый раз я был дедушкой Сяо, а теперь стал дядей? Так ты мне все поколения перепутаешь.

— И в этом нет моей вины! Просто вы, дядя Сяо, с каждым днём всё моложе. Глядишь, в следующий раз я вас уже братиком назову!

Глава Е только покачал головой.

— И как только вы, глава союза, решитесь выдать такую сокровищницу замуж? — спросил Сяо Цзиньни.

Е Бай хотел было ответить, но его дочь снова перебила:

— А папа и не хочет меня отдавать! По части боевых искусств он второй в мире, а первого просто не существует. Кто из молодых его одолеет на помосте? Разве что мой второй отец придет... Ну, тогда я, так и быть, соглашусь выйти за него, чтобы папу не расстраивать!

Е Бай мгновенно помрачнел:

— Чушь несёшь! Никакого стыда!

Он не шелохнулся, но от вспышки гнева наружу вырвалась частица внутренней силы. Занавеси на окнах мгновенно вздулись, словно от яростного порыва ветра.

— Ну вот, смотрите, дядя Сяо! Стоило мне помянуть второго отца, как папа сразу из себя вышел. Вот уж точно — почтенные годы, а вечно такие сцены... Где приличия?

«Молодой господин» ничуть не испугался. Напротив, он самодовольно выпрямился, с поразительной точностью копируя величественную осанку своего родителя.

Старик Сяо больше не вязывался в шутки. Он посерьёзnel и принялся докладывать главе союза о том, что видел в пути:

— Тот господин Чжуан... Чтобы спасти «Плач по усопшим», он отдал жемчуг, предназначавшийся вашей дочери, этим коновалам из Врат Духовной Настройки. А ещё он вылечил мой старый ревматизм. Человек он, бесспорно, благородный. — Он немного замялся и добавил тише: — Я давно отошёл от дел и не должен лезть в дразги цзянху, но эти Бедствие болезни и Бедствие смерти —

— Я слышал про Праздник начала лета и Праздник драконьих лодок, — с любопытством вмешался «юноша», сверкая глазами. — А что это за «Праздник болезни» такой?

Е Бай был на грани терпения:

— Ступай домой. Иди к своему второму отцу, раз так по нему скучаешь.

Это предложение пришлось девушке по душе. Она вприпрыжку добежала до дверей, обернулась и с вызовом бросила:

— Тогда этот молодой... господин не смеет вам более мешать!

Выйдя за порог, она, впрочем, не поспешила домой. Откинув назад рассыпавшиеся волосы и поправив воротник с видом заправского щеголя, она устремилась прямо к Чжуан Шаогуну и его спутникам.

Чжуан Шаогун и не подозревал о слезке. Его лишь удивляло, почему Умин и Уди тащатся так медленно — за добрую четверть часа они не прошли и половины улицы. Обеспокоенный состоянием здоровья Умина, он шепнул Уди:

— Далеко ли ещё до дома главы Е? Может, нанять паланкин?

Уди усмехнулся:

— Не спешите, молодой господин. Торговля не терпит суеты, давайте-ка лучше осмотримся.

Умин едва заметно вскинул бровь, но промолчал, редким образом согласившись с Уди.

Шаогун кивнул:

— И то верно. Подарки ещё не куплены, визитная карточка не готова...

В его сердце уже пустили ростки нежные чувства к Умину, и мысль о встрече с девой Е была ему не в радость. Не в силах перечить воле родителей, он старался оттянуть этот момент, радуясь каждой минуте промедления.

Не успели они сделать и пары шагов, как до них донеслось звонкое пение:

— Напрасно твердят о золоте Бао Шу, кто ныне узнает напев циня Бо Я? Нынче дружба коварна, как бес лукавый, лишь в сердце надежда теплится слабая.

— Герои и добрые люди, приветствует вас пришелец из дальних мест!

Перед ними стоял молодой господин в парчовых одеждах. Он держал в руках меч и отвечивал вежливые поклоны:

— Услыхав о помосте для состязаний, я на юг поспешил в поисках доли суженой. Был я полон отваги и злата, но в пучинах речных всё богатство моё сгинуло. Не видав красоты, я остался без гроша в кармане. Ныне меч свой продать я готов, уповая на вашу милость. Коль в грядущем удача мне улыбнётся — в долгу не останусь, осыплю вас золотом в день венчания!

Юноша был поразительно хорош собой: изящный стан, тонкие черты лица — он казался сошедшим с картины небожителем.

С последним словом меч покинул ножны. Серебристая сталь полоснула воздух, клинок загудел, наполненный внутренней силой. Пару мгновений юноша кружился в танце, а когда замер, за его спиной со старой каменной стены осыпалась пыль, обнажая два глубоко вырезанных иероглифа: «Продаю меч».

Дерзость и мастерство юного героя привели толпу в восторг — люди дружно зааплодировали.

Чжуан Шаогун восхищенно прошептал Умину:

— Каков талант! Резать камни мечом и при этом слагать стихи в духе «Скитаний юности». Бедняга тоже приехал на состязания к главе Е, да судно его затонуло, и он остался ни с чем. Мы ведь тоже путники в чужом краю... Может, купим у него меч?

Умин прикрыл нос и рот платком:

— Вы оба претендуете на одну руку. Поможешь ему сегодня — завтра он обойдёт тебя на помосте.

Голос его был тихим, но, рожденный в самой глубине даньтяня, он легко пронзил шум толпы и достиг ушей юноши в парче. Тот бросил на Умина внимательный взгляд.

Шаогун же продолжал увещевать спутника:

— Настоящий мужчина не должен быть столь мелочным. Благородный муж радуется чужому счастью и не мешает союзу сердец. Если деве Е приглянется этот господин — что ж, они станут прекрасной парой!

Юноша в парче, видя, как этот книжник распинается перед своим слугой, не выдержал и прыснул со смеху.

Уди, заметив это, спросил:

— И почём твой клинок?

Юноша окинул Чжуан Шаогуну оценивающим взглядом и запросил не глядя:

— Пятьдесят лянов.

Уди скептически покачал головой:

— Работа грубая, цена ему — от силы пара лянов.

Чжуан Шаогун покраснел от стыда. Обычно Уди казался ему человеком широкой души, а тут вдруг начал торговаться из-за сущих пустяков, когда нужно помочь попавшему в беду герою.

Умин же холодно добавил:

— Зато одежда на тебе стоит никак не меньше трёхсот лянов.

Юноша вспыхнул и невольно прижал руки к груди, оправдываясь:

— Эту одежду я храню, чтобы предстать перед девой Е! Встречают по одежке — даже красавца в лохмотьях ни во что не ставят. А меч... меч этот со мной долгие годы. Если этот нечестивый слуга не смыслит в оружии и называет мой клинок посредственным — что ж, для меня он всё равно бесценен!

«Я не смыслю в оружии?» — Уди чуть не расхохотался. Из всей пятёрки «Бедствий» именно он знал толк в стали лучше всех. Уперев руки в бока, он принял вид самого заносчивого слуги:

— Даже если я не смыслю в ковке, я смыслю в чести. Будь я истинным воином, я бы скорее самого себя продал, чем расстался с мечом!

Умин покосился на него. «Бедствие смерти», рассуждающее о торговле собой ради чести — зрелище было сюрреалистичным.

Уди вовремя спохватился:

— То есть... я хотел сказать, что одежду бы продал, а не меч!

Юноша в парче хмыкнул и отвел взгляд с таким видом, будто не желал больше спорить с невеждой.

Чжуан Шаогун, выросший в достатке, не счел пятьдесят лянов чрезмерной суммой. Он видел, что перед ним человек благородный и образованный, и понимал, как нелегко тому пришлось, раз он решился на торговлю на улице.

— Старая вещь дорога сердцу, — мягко сказал Шаогун. — Коль господин не побрезгует, я куплю этот меч.

Он торопливо развязал один из тюков и, не заботясь о том, что выставляет напоказ кошелек, достал банковский билет и протянул его юноше.

Уди лишь вздохнул. Он давно узнал в этом «юноше» наследницу главы Союза Неба и Земли — неподражаемую Е Яньлань. Но Умин запретил ему вмешиваться, заставив играть роль «плохого слуги», чтобы на этом фоне доброта молодого господина сияла еще ярче.

Е Яньлань, решив, что ловко обвела троицу вокруг пальца, спрятала деньги в рукав и бросила меч Чжуан Шаогуну. Она на миг задержала ясный, словно осенние воды, взгляд на лице Шаогуна:

— За великую милость не благодарят словами. Меч мой береги — я за ним еще вернусь!

Чжуан Шаогун неловко поймал оружие и лишь растерянно кивнул. Он даже не успел спросить имени своего нового знакомого, как тот уже исчез. В суете столичных улиц, среди повозок и спешащих людей, от ярких парчовых одежд не осталось и следа.